

В поле зрения Су Цы коридор на самом деле вовсе не был пустым.

В бледной, призрачной дымке красного тумана, забившись в самый угол у стены, жалось худощавое, крошечное существо, едва прикрытое грязными лохмотьями.

Кроваво-красные частицы тумана медленно оседали вокруг него, образуя густую, вязкую пелену, которая была куда плотнее всего, что окружало их в этом месте. Любой другой, увидев подобную жуткую картину, если бы не бросился наутёк в неопишемом ужасе, то наверняка почувствовал бы, как внутри всё холодеет от первобытного страха. Однако Су Цы оставался совершенно невозмутимым, даже не вздрогнув.

Он заговорил, обращаясь к этой странной фигуре:

– Зачем ты всё время ходишь за мной?

– Голодно... очень голодно...

В мертвенной тишине кроваво-красного коридора раздался тонкий детский голос – раз за разом повторяющаяся, леденящая душу мольба.

«Хочет есть?» – Су Цы с легким недоумением приподнял бровь. Ему и самому сейчас едва хватало припасов, чтобы продержаться.

– Советую тебе заглянуть на кухню, – произнес он.

Голос юноши звучал мягко и даже приятно, но сами слова были пропитаны глубоким, почти абсолютным равнодушием.

Су Цы не забыл, что вечером уже видел этого ребенка возле кухни. Тот должен был знать, что там находится морозильная камера с сырьем для мясного желе, к тому же робот-няня № 4586 наверняка готовит ночной перекус, так что еда там определенно должна быть.

После его слов ребенок внезапно затих, а затем очень неестественно, пугающе медленно повернул голову.

Казалось, он долгое время оставался в одной позе, совершенно не двигаясь, словно застывшая статуя. При повороте в тишине раздался сухой, скрипучий звук – «ка-да, ка-да», будто кости в шее перетирались друг о друга и голова в любой момент могла просто отвалиться.

Когда ребенок наконец повернулся, стало видно, что под длинной, густой и сальной челкой скрывается всего один черно-красный глаз, испещренный тонкими кровавыми прожилками.

Он молча, не мигая, смотрел на Су Цы, и в бледном мареве кроваво-красного тумана эта сцена выглядела по-настоящему жутко.

Однако в глазах Су Цы этот ребенок выглядел просто немного глуповатым и крайне запущенным.

Видя, что дитя долго не реагирует, а лишь жметесь в углу, тихо и настороженно наблюдая за ним, Су Цы тяжело вздохнул и медленно зашагал в его сторону.

По мере приближения плотные кроваво-красные частицы вокруг ребенка начали рассеиваться, и Су Цы смог разглядеть его чуть лучше.

На вид он был даже младше Пятого, лет трех-четырёх. Помимо того, что лицо было почти полностью скрыто челкой и черты толком не разобрать, весь он был с ног до головы перепачкан засохшей грязью.

Неизвестно, сколько лет он не мылся и не менял одежду: черные волосы, отросшие до плеч, сбились в сплошные грязные колтуны, а лохмотья давно потеряли первоначальный цвет, превратившись в однородную серую массу.

По сравнению с ним другие детеныши в приюте для детенышей, которых видел Су Цы, пусть и были лишены свободы, но хотя бы выглядели ухоженными, чистыми и относительно здоровыми.

– Ты тоже детеныш из приюта для детенышей? – он присел перед ребенком на корточки и с любопытством спросил: – Шестой или Седьмой? Невидимость? Это твоя способность?

По ощущениям – совсем не похоже. Днем в столовой он видел Шестого и Седьмого, и, хотя не запомнил их лиц в деталях, они точно не выглядели так жалко и изможденно.

Или же...

– Ты Первый? – тихо уточнил он.

Ребенок не ответил. В отличие от молчания Третьего, это молчание вызывало у Су Цы гнетущее ощущение пустоты и мертвенной тишины, словно... словно сама земля в ее нынешнем, истерзанном состоянии.

Су Цы, который изначально не хотел вмешиваться в чужие дела, внезапно изменил решение.

Он протянул руку и осторожно обхватил запястье ребенка.

Под ладонью ощутился пронизывающий, ледяной холод, словно он коснулся настоящего призрака. Но Су Цы знал: перед ним не призрак. Тонкие детские косточки были настолько хрупкими, что казалось, стоило приложить чуть больше силы – и они с треском сломаются.

Только в этот момент в пустом, остекленевшем взгляде ребенка наконец промелькнуло хоть какое-то изменение.

Его большие, странные черно-красные глаза слегка моргнули, а затем он снова механически опустил голову, замороженно уставившись на руку Су Цы, сжимавшую запястье.

Постепенно глаза расширились всё больше, наполняясь недоумением.

Он резко вскинул голову, и в его взгляде, устремленном на Су Цы, отразилось истинное, глубокое изумление. Он с трудом открыл рот, словно отчаянно хотел что-то сказать, но из пересохшего горла вырвались лишь бессмысленные, хриплые звуки: «Хэ... хэ...».

Су Цы продолжал разглядывать запястье.

Оно выглядело тоньше, чем его средний и указательный пальцы, сложенные вместе. Он всерьез засомневался: если он потянет ребенка за собой, не оторвется ли у того рука?

Поэтому, под ошарашенным взглядом ребенка, он осторожно отпустил запястье, просунул обе руки под подмышки и крепко обхватил за спину. Он не только поднял его, но даже слегка, по-доброму подбросил в воздухе.

Ребенок машинально, почти инстинктивно обхватил его за шею.

Какой же он легкий.

Су Цы мысленно прикинул вес ребенка. Хотя он никогда раньше не держал на руках других детей, он прекрасно понимал: этот ребенок истощен до какого-то ненормального, критического состояния.

Ребенок смотрел на него во все глаза, и искреннее изумление в выражении лица сделало его куда более живым – наконец-то он стал похож на настоящего маленького карапуза, а не на кошмарное видение.

Су Цы занес ребенка в комнату № 303.

С наступлением ночи температура в коридорах сильно упала, и в комнате автоматически включилось отопление. Как только они вошли, стало тепло и уютно, а те кроваво-красные частицы, концентрация которых и без того была невелика, остались снаружи, отсеченные присутствием Су Цы.

Он аккуратно опустил ребенка на пол и выбрал из оставшейся питательной жидкости ту, что была со вкусом овощного ассорти – ту самую, которую он сам любил меньше всего на свете.

Если описывать вкус этого ассорти, то это была странная смесь моркови, зеленого перца,

кукурузы, пекинской капусты и огурца, растертых в однородную кашу.

Су Цы она совсем не нравилась, но, к счастью, таких упаковок у него оставалось всего три.

Су Цы пошел на кухню разводить питательную жидкость, а ребенок, стоявший у журнального столика, не сводил с него пристальных глаз.

Когда Су Цы высыпал порошок в стакан и, подняв голову, случайно посмотрел в его сторону, ребенок тут же испуганно отвел взгляд, притворяясь, что ничего не произошло.

Он опустил голову и с замиранием сердца посмотрел на запястье, которого только что касался этот новый воспитатель, а затем взглянул на собственную ладонь.

Только что, когда его подняли и он машинально обнял того за шею, он коснулся кожи...

Она была теплой. Это было удивительное, забытое чувство, которого он никогда прежде не испытывал.

Ребенок поднял голову. Единственный видимый из-под густой челки черно-красный глаз с любопытством осматривал эту светлую и просторную комнату.

Те кроваво-красные, вечно доставлявшие ему дискомфорт и раздражение точки...

Их больше не было.

В этот момент Су Цы наконец закончил готовить питательную жидкость, принес стакан и поставил его на журнальный столик прямо перед ребенком.

От темно-зеленой жидкости исходил легкий, едва заметный пар и очень слабый свежий аромат.

- Пей, - коротко сказал Су Цы.

Ребенок посмотрел на стакан с темно-зеленой жидкостью, затем поднял взгляд на него и едва заметно, почти неуловимо покачал головой.

- Что? Перебираешь харчами? - с легким раздражением спросил Су Цы.

Тон его стал недобрый. Это была не самая лучшая привычка - капризничать с едой, особенно в таком состоянии...

Ребенок снова покачал головой, на этот раз амплитуда была чуть больше, а затем он медленно протянул маленькую, дрожащую ручку, чтобы схватить стакан. Но когда он действительно коснулся стекла, то внезапно замер, а в его глазах отразилось крайнее, почти болезненное изумление.

«Ах... он коснулся».

Это простое осознание произвело на ребенка колоссальное впечатление. Он отпустил стакан с еще горячей жидкостью и осторожно, с опаской потянулся маленькой ручкой к краю столика.

И у него получилось!

Ребенок не удержался и с надеждой посмотрел на Су Цы. Чистая радость, внезапно вспыхнувшая в его глазах, сделала его даже в этом жалком и нелепом виде довольно милым.

- Да, ты действительно схватил его, - заметил Су Цы.

Глядя на то, как край столика исчез, стоило ребенку коснуться его, Су Цы снова присел перед ним на корточки, и в его взгляде появилась доля профессиональной осторожности.

Такое состояние ребенка - или, вернее, то, в котором он находился до прикосновения, - было ему слишком хорошо знакомо. Хотя раньше он этого не почувствовал, сейчас было самое время осознать правду.

Су Цы пристально уставился на ребенка:

- Ты... новорожденный дух?

Услышав вопрос Су Цы и увидев его серьезное, сосредоточенное выражение лица, ребенок поумерил свою радость.

Он замер на месте, поспешно отдернув маленькую ручку, которой только что держался за край стола, и смущенно прижал ее к груди.

Су Цы заметил резкую перемену в настроении ребенка. Хотя по выражению лица это было трудно понять, он отчетливо чувствовал его растерянность и замешательство, отчего в душе зародилось еще больше сомнений.

«Неужели он настолько мал, что его сознание только что зародилось, и он совершенно ничего не знает об этом мире?»

Он пристально смотрел на маленького мальчика.

Мальчик смотрел в ответ. В его черно-красных глазах по-прежнему виднелись кровавые

прожилки, но из-за растерянности и искреннего замешательства он уже не казался таким пугающим.

Постепенно нахмуренные брови Су Цы разгладились.

Он слегка изогнул уголки губ, впервые с момента своего пробуждения улыбнувшись по-настоящему.

«Действительно... очень интересно».

Ему стало крайне любопытно, что же именно породило такого слабого, изможденного духа.

Все вещи в мире имеют свой дух, но для неодушевленного предмета обрести разум из первозданного хаоса в тысячи раз сложнее, чем для существа, рожденного с разумом. Именно поэтому духи неодушевленных предметов с самого момента своего рождения обычно гораздо сильнее обычных живых существ.

Поэтому этот слабый, почти прозрачный дух перед ним выглядел крайне необычно.

Из-за всех трудностей и опасностей неодушевленный предмет, способный породить полноценный дух, обычно не является чем-то заурядным, но Су Цы, кажется, не почувствовал поблизости ничего, что можно было бы назвать мощным артефактом.

Су Цы слегка скривил губы. Жаль, что сейчас его собственные силы сильно ослабли, и он не может точно почувствовать, какова истинная форма этого ребенка, но... впрочем, это не такая уж большая проблема.

В конце концов, это же просто воспитание ребенка, разве это может быть сложно?

Да, Су Цы решил оставить этого ребенка у себя. В конце концов, нечасто встретишь духа с такой же формой жизни, как у него самого, и нельзя же позволить ему и дальше влачить такое жалкое, призрачное существование.

А ребенок не знал, о чем именно думает Су Цы, он просто заворуженно, с открытым ртом смотрел на его улыбку.

Он был «несуществующим» существом: никто его не видел, никто не мог его коснуться, и сам он почти не мог прикоснуться ни к людям, ни к предметам.

До этого он видел улыбки многих людей в приюте: одни были красивыми, другие – уродливыми и злыми, но он никогда не видел улыбки, которая была бы...

Направлена именно на него одного.

Ребенок смотрел в глаза Су Цы и в этих красивых, изогнутых черных зрачках увидел собственное отражение. Впервые в жизни он так отчетливо увидел, как выглядит сам.

В этот момент Су Цы взял стакан со столика и снова сунул его ребенку в руки, чтобы тот крепко держал его.

– Пей, а то остынет и будет совсем невкусно.

Ребенок моргнул, послушно протянул маленькие ручки и обхватил стакан. Он был таким крошечным, что казалось, будто он обнимает стакан всем своим телом.

Он почувствовал приятное тепло, исходящее от питательной жидкости внутри.

Это было чувство, которого он почти никогда не испытывал за всю свою короткую и трудную жизнь. Ребенок не удержался и прижал стакан к себе еще крепче. Он не стал сразу пить, а осторожно поднял взгляд, несколько раз посмотрел на Су Цы, ища одобрения, и только тогда опустил голову.

Он прижался губами к краю стакана, маленькие ручки с трудом подняли его, позволяя жидкости внутри медленно приблизиться к краю.

На базе 24 он видел, как многие люди делали так, и теперь он наконец-то смог сделать это сам.

Су Цы наблюдал за ним, всерьез опасаясь, что тот сейчас размажет всю жидкость по лицу, но, к его удивлению, ребенок не только успешно напился, но и делал это весьма изящно.

Попробовав питательную жидкость со вкусом овощного ассорти, ребенок довольно причмокнул губами. На его лице не было ни капли отвращения, напротив, он выглядел так, будто искренне наслаждался этим вкусом. Затем он снова крепко обхватил стакан и сделал большой, жадный глоток.

То, как жадно он пил, ясно говорило о том, что он был голоден очень-очень давно.

<http://bllate.org/book/18549/1811048>